

**Житомирський державний університет імені І. Франка
Навчально-науковий інститут філології та журналістики
Кафедра теорії та історії світової літератури**

ПОЛІЛОГ

№ 1

**Науково-публіцистичний
студентсько-викладацький збірник**

Засновано у 2013 р.

**Житомир
Вид-во ЖДУ ім. І. Франка
2013**

УДК 82–92 : 82.09

Головний редактор

Володимир Єршов, доктор філологічних наук

Відповідальний секретар

Ольга Коржовська, кандидат філологічних наук

Редакційна колегія:

Галина Бондаренко, кандидат філологічних наук

Галина Соболевська, кандидат філологічних наук

Наталія Астрахан, кандидат філологічних наук

Зоя Ржевська, старший викладач

Вікторія Білявська, асистент

Катерина Мельник, асистент

Верстка, технічне редагування

Жанна Ганько

Затверджено на засіданні
кафедри теорії та історії світової літератури
(протокол № 9 від 30 травня 2013 р.)

Державна реєстраційна служба України. Свідоцтво про державну
реєстрацію друкованого засобу масової інформації:

Серія ЖТ № 184/561-Р від 04.04.2013 р.

ISSN 2311-1844

Адреса редколегії:

Житомирський державний університет імені Івана Франка.
10008. Житомир, вул. Велика Бердичівська, 40, корп. 4, ауд 503.
e-mail кафедри: zar.liter@gmail.com

© «Полілог», 2013.

ISSN 2311-1844

З М І С Т

Володимир ЄРШОВ. СЛОВО ВІД РЕДАКТОРА	5
---	---

ЕЙДОС ЗАРУБІЖНОГО

ТЕКСТУ

Петро БІЛОУС

ЛІКУВАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ЛІТЕРАТУРИ	9
--	---

Анастасія БІЛОУС

РОМАН КАРЕЛА ЧАПЕКА «ВІЙНА З САЛАМАНДРАМИ» ЯК ЖАНР РОМАНУ-ПЕРЕСТОРОГИ	12
---	----

Юлія БІЛОШИЦЬКА

ОБРАЗ БУНТІВНОЇ ЛЮДИНИ В ПОВІСТІ ДЖЕРОМА СЕЛІНДЖЕРА «НАД ПРИРВОЮ У ЖИТІ»	18
--	----

Юлія БОЙКО

ЛИЦАРСЬКИЙ РОМАН «ТРИСТАН ТА ІЗОЛЬДА»: СВОЕРІДНІСТЬ ОБРАЗНОЇ СИСТЕМИ	26
--	----

Наталія БОРИСЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФАУСТОВСКОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ ТОМАСА МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»	35
---	----

Зоряна ГОЛОВЕЦЬКА

ПРОБЛЕМА АВТОРА ТА ЧИТАЧА ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ В РОМАНІ МИХАЙЛА БУЛГАКОВА «МАЙСТЕР І МАРГАРИТА»	41
---	----

Анна ГУБАРЕВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВОВ ЕМОЦИОННОГО СТАНУ ГОЛОВНИХ ГЕРОІВ У МІСТЕРІІ Д. Н. Г. БАЙРОНА «КАЙН»	50
---	----

Надія ЗАБОЛОЦЬКА

БІБЛІЙНІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ В РОМАНІ МИХАЙЛА БУЛГАКОВА «МАЙСТЕР І МАРГАРИТА»	57
---	----

Анастасія ЛАВРОВА

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ОБРАЗУ ДИЯВОЛА: ВІД ТЕОЛОГІЧНОГО ОСМИСЛЕННЯ ДО ХУДОЖНЬОЇ ПРАКТИКИ	66
---	----

Анастасія ЦЕРКОВНА

СИМВОЛІКА СМЕРТІ У ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ ЕДГАРА АЛЛАНА ПО	73
---	----



У ПРОСТОРІ ВОЛИНСЬКОГО ТЕКСТУ

Софія ГУЗЕНКО

«ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ» В. С. КИРИЧАНСКОГО: ПРОБЛЕМАТИКА, СТИЛЬ, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	79
--	----

Анна ЄВПАК

ХУДОЖНЯ ТВОРЧІСТЬ А. М. ЛІСОВСЬКОГО: ПОЕТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ТА ПРОБЛЕМАТИКА ПОЕЗІЙ	84
---	----

Марія ЕСАУЛОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Ф. БОНДАРЕНКО	91
---	----

Юліана КАЦЕМБА

ХУДОЖНЯ ПАРАДИГМА ІНШОСТІ В «ЧОРНІЙ РАДІ» П. КУЛІША ТА «СПОГАДАХ СОПЛІЦИ» Г. ЖЕВУСЬКОГО	98
--	----

Ірина СТАРОВОЙТ

ХУДОЖНЯ ПРОЗА

Г. М. ЦИМБАЛЮКА: ПРОБЛЕМАТИКА
ТА ХУДОЖНІ ОСОБЛИВОСТІ
(НА ПРИКЛАДІ ЗБІРКИ
«ЦІНА ПЕЧАЛІ») 103**Аліна СТРОЦЬКА**ТИПОЛОГІЯ ТА СИСТЕМА ОБРАЗІВ
ВОЛИНСЬКИХ ГАВЕНД МІХАЛА
ЧАЙКОВСЬКОГО «ЗИМОВА НІЧ.
СПОГАДИ З ГАЛЬЧИНА»,
«ОСІННІЙ ДЕНЬ. СПОГАДИ З
ГАЛЬЧИНА» ТА «САВЕЛІЙ.
ПОЛКОВІ СПОГАДИ» 109**СОБОР МУЗ:
ПОЕТИЧНА СТОРІНКА****Володимир БІЛОБРОВЕЦЬ** 115**Галина БОНДАРЕНКО** 116**Ольга ГАВРИЛОВА** 117**Надія ЗАБОЛОЦЬКА** 118**Ольга КОРЖОВСЬКА** 119**Ольга КУЧУК** 120**Антон ЛІСОВСЬКИЙ** 121**Лілія МАСАН** 122**Юлія МАРТИНЕНКО** 123**Катерина МЕЛЬНИК** 124**Ксенія МУЗИЧЕНКО** 125**Марія РОЗБІЦЬКА** 126**Леся САВЧУК** 127**Аксінья СІНЬКО** 128**Віра СМОЛЯР** 129**Марина СУПРУНЕНКО** 130**Микола ТИМОЩУК** 131**Марія ХОМЧУК** 132**Даша ШАБАЛІНА** 133**Надія ШАНЮК** 134**Марія ШОМКО** 135**Леся ЯНЧЕВСЬКА** 136**5-й ПОВЕРХ****Вікторія БІЛЯВСЬКА**ОБ'ЄДНАНІ ІМЕНЕМ ЮЗЕФА ІГНАЦІЯ
КРАШЕВСЬКОГО 138**PERCONTATIO:
ІНТЕРВ'Ю****Катерина МЕЛЬНИК.**«ПО СЕКРЕТУ» З ОЛЬГОЮ
КОРЖОВСЬКОЮ.*Percontatio* 141**ХРОНІКА КАФЕДРИ**

2011 – 2013 рр. 147



ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДЬЯВОЛА: ОТ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

У даній статті аналізується образ диявола: його виникнення і розвиток в релігії і світській літературі. Диявол розглядається, з одного боку, як об'єкт теологічного осмислення, з іншого – як один з найважливіших образів в історії світової літератури (на прикладі творів Дж. Мільтона «Втрачений рай» і Й. В. Гете «Фауст»).

Одним из вечных противостояний в сознании людей, а вследствие и в мировой культуре, является противостояние Бога и сатаны. Сатана, он же дьявол, как и всякий архетип, имеет множество воплощений, множество имён и давнюю историю. Несмотря на свою неоднозначность, а скорее даже благодаря ей, образ дьявола всегда был притягательным персонажем для множества писателей. Достаточно взглянуть на внушительные списки литературных произведений, где он проявляется: А. Данте «Божественная комедия», Дж. Мильтон «Потерянный рай», Э. Гофман «Эликсир дьявола», И. В. Гете «Фауст» и т. д. Образ дьявола, известный сейчас, формировался на протяжении множества веков. Менялся его образ, и менялось отношение к нему.

Дьявол – плод человеческого воображения, то есть порождение человеческого разума, который всегда пытается найти логическое объяснение феномена зла при столкновении с действительностью. Дьявол неотделимая часть религиозного мировоззрения, он представляет собой сверхъестественное существо, что-то иррациональное, то, что невозможно объяснить с научной точки зрения. Поэтому дьявола нельзя рассматривать и отделять от Бога. Так, если Бог выступает в роли спасителя, отца, является источником добра, то сразу же встает вопрос о природе зла. Возникает необходимость в «ширме», своеобразном «козле отпущения», чтобы объяснить жестокость, ошибки и слишком очевидную несправедливость, совершаемые Тем, кому приписывались абсолютное милосердие, благость и совершенство. Дьявол становится единственным оправданием существования бед на земле. Таким образом, возникает противостояние «Бог-дьявол». Как сказал Дж. Уэсли: «Нет дьявола – нет Бога» [8, с. 130]. Это неразделимая пара.

Дьявол – само зло. Ведь по своей природе ему предначертано быть врагом. Он всегда существовал как «Противник», как противодействующая Сила, созданная для равновесия и гармонии сущего в Природе, как Тень, необходимая для более яркого проявления Света, как Ночь для большего выявления Дня и как Холод для большей оценки Тепла. Дialeктика этих понятий едина и неразделима, одно не может существовать без другого. Древние люди не знали обособленного «Бога Зла», который был бы вполне и абсолютно дурным. Языческая культурная мировая мысль изображала добро и зло как братьев-близнецов (вспомним Зевса и Аида в греческой мифологии или Осириса и Сета в египетской), рожденных от одной Матери-Природы. Вначале символы добра и зла были абстрактными, Светом и Тьмою; позднее символы их были избраны из самых естественных, вечно повторяющихся, мировых понятий – Дня и Ночи или Солнца и Луны.

Нельзя утверждать, что Бог есть синтез всей Вселенной, как Вездесущий, Всезнающий и Бесконечный, а затем отделить Его от Зла. И так как в мире гораздо больше Зла, нежели Добра, то отсюда логически следует, что, или Бог должен вмещать Зло, или быть прямой причиной его, или же отказаться от своих притязаний на Абсолютность [9]. Действительно, зло не существует само по себе; но есть лишь Тень Света, без которой Свет не существовал бы, даже в наших представлениях. Если бы Зло исчезло, то и Добро исчезло бы с ним с Земли. Жизнь была бы невозможна без Смерти; не было бы ни возрождения, ни восстановления без разрушения.

Природа дьявола – быть в оппозиции, быть врагом. Такова семантика как древнееврейского корня «*stn*» (сатана), так и древнегреческого «*diabolos*». В ранних книгах Ветхого Завета, записанных еще до вавилонского пленения (т. е. до VI века до н. э.), слово «*satan*» употребляется в значении «противник». При этом слово «*satan*» вовсе не обязательно относилось к сверхъестественному противнику. Римская церковь обосновывает свою доктрину о божественности Христа целиком на сатанизме павшего архангела [6].

Слово «сатана» в более привычном нам значении появляется в двух более поздних фрагментах, написанных после вавилонского пленения. Здесь сатана (*satan*) – это ангел, принадлежащий к окружению Иеговы и выступающий в роли обвинителя грешников перед Богом. В Книге пророка Захарии, приблизительно датированной концом VI века до н. э., описано видение, в котором первосвященник Иисус предстает пред судом Божиим. По правую руку от Иисуса стоит сатана, «чтобы противодействовать ему», т.е. выступать в роли обвинителя. В этом фрагменте дан лишь намек на то, что сатана относится к своей задаче чересчур ревностно: Бог упрекает его за попытку обвинить праведного человека» [1, с. 836]. На основе этого представления о неумолимом ангеле, обвиняющем и карающем людей, со временем развился средневековый и современный христианский образ дьявола. Когда Ветхий Завет впервые перевели на греческий язык, слово *satan*

передали как *diabolos* – «обвинитель», с оттенком значения. Поздние иудейские авторы тяготели к разграничению доброго и злого.

Многие мыслители задавались вопросом, почему сатана первоначально полезный, хотя и довольно неприятный прислужник Иеговы, в конце концов лишается милости Господа и становится Его врагом. «Ложный обвинитель», «очернитель», «клеветник»; от этого слова и возникло имя Дьявола. Несколько аллюзий на эту историю можно обнаружить в других книгах Ветхого Завета, однако первая полная (хотя и более поздняя) версия появляется только в 1-й Книге Еноха, во фрагментах, относящихся, по-видимому, ко II веку до н. э.: «И случилось так, что, когда род человеческий умножился, стали рождаться в те дни у людей дочери красивые и прекрасные. И ангелы, сыны неба, увидели их и возжелали их, и сказали друг другу: пойдём, выберем себе жен среди дочерей человеческих, и пусть родят нам детей» [4].

Многие священнослужители, в том числе Августин Блаженный, отвергали легенду о Хранителях и связывали происхождение зла с восстанием верховного архангела, который взбунтовался против Бога, обуянный гордыней [2]. Так зародилось христианское предание о попытке Дьявола сравняться с самим Богом и об изгнании мятежника с небес. Такая версия ответа на вопрос, почему раннебиблейский сатана-обвинитель лишился милости Божьей, оказалась особенно удачной, поскольку согласовалась с тенденцией христианских авторов возвысить изначальный статус Сатаны едва ли не до положения независимого божества. При этом утверждалось, что до падения мятежный архангел носил имя Денница, что означало «сын зари». Древние евреи, арабы, греки и римляне отождествляли утреннюю звезду (планету Венеру) с божеством мужского пола. По-гречески ее называли «phosphoros» (Фосфорос), а по-латыни – «lucifer» (Люцифер); оба эти названия означают «светоносец». Высказывалась гипотеза, что легенда о Люцифере основана на том, что утренняя звезда – последняя из звезд, видимых на рассвете. Она словно бросает вызов восходящему солнцу, из-за чего и возникло предание о мятежном духе утренней звезды и о постигшей его каре [6, с. 37]. Легенды о Люцифере и Хранителях связывают происхождение зла с падением небожителей, поддавшихся греху гордыни или похоти и осужденных на наказание в аду. Эти две легенды естественным образом объединились: Хранители стали считаться приспешниками Люцифера. Намеки на такую трактовку содержатся уже в 1-й Книге Еноха. Азazel, предводитель ангелов-отступников, описан как «звезда, упавшая с неба» [4].

В этом грандиозном видении объединены почти все основные мотивы позднейшего христианского представления о дьяволе: «сатана», обвиняющий людей перед Богом; война на небесах, в которой Господне воинство возглавляет архангел Михаил; низвержение Денницы-Люцифера с небес; падшие ангелы (падшие звезды) – его приспешники, и, наконец, вера в то, что мстительная ярость Дьявола обрушилась на землю. Именно христиане возвеличили Дьявола, почти уравнив его в правах с Богом. Убежденные в безупречной благодати Бога, они тем не

менее чувствовали пугающую близость великого сверхъестественного Врага. Падение Дьявола католики стали объяснять грехом гордыни; эта версия стала ортодоксальной и остается таковой по сей день.

В Средние века и на заре Нового времени Дьявол почти для каждого христианина оставался устрашающе реальным и близким. Он фигурировал в народных сказках, театральных постановках и рождественских пантомимах, священники то и дело поминали его в своих проповедях; зловещим взглядом он следил за прихожанами с церковных фресок и витражей. И приспешники его были повсюду – невидимые для простых смертных, всеведущие, злобные и коварные. Зло по-своему притягательно, и чем большей силой наделялся Дьявол в воображении людей, тем более привлекательным становился этот образ.

Дьявола, как и Бога, обычно изображали в облике человека, и в восстание верховного архангела против Бога христиане не в последнюю очередь верили потому, что эта легенда затрагивала некие потаенные струны человеческого сердца. Люцифер воспринимался как мятежный человек, а гордыня, как ни странно, представлялась более достойной причиной падения ангелов, нежели похоть, обуявшая Хранителей. В результате образ Дьявола приобрел романтические черты. В «Потерянном рае» Джона Мильтона этот величайший из мятежников предстает как бесстрашный, волевой решительный бунтарь, не пожелавший склониться перед превосходящей его силой и не смирившийся даже после поражения. Столь мощный образ поневоле внушал восхищение... «Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба» [5, с. 3]. Учítывая, насколько великолепны и грандиозны были дьявольская гордыня и могущество, неудивительно, что в некоторых людях пробуждалось желание поклоняться именно Дьяволу, а не Богу. Границы могущества Дьявола определяются трудно. Конечно, оно несравнимо со всемогуществом Божиим, но все же велико и грозно.

Будучи вначале синонимом Природы, Бог-Творец, в конце концов, был преобразен в ее автора. Блез Паскаль очень остроумно разрешает это затруднение, говоря: «Природа имеет совершенство, чтобы показать, что она есть подобие Бога, и недостатки, чтобы показать, что она есть только подобие Его» [7, с. 265]. Чем дальше отступаем мы во тьму доисторических времен, тем более философским выявляется прообраз позднейшего Дьявола.

Расцвет веры и даже поклонения дьяволу приходится на Средние века. Именно тогда тяжкая жизнь простолюдина, зажатого в тиски между гнетом баронов и гнетом церкви, гнала в объятия дьявола и в глубины магии целые классы людей, ищущих облегчения своим бесконечным бедствиям либо мщения – найти хоть и страшного, но все же помощника и друга. Дьявол само зло, но все же у людей не было другого варианта и шанса прочувствовать все краски жизни. Поэтому не задумываясь, не прогнозируя какие будут следовать последствия, люди полностью полагались и отдавались во власть черных сил. Нищета, голод, тяжкие болезни, непосильная работа и жестокие истязания всегда были главными поставщиками рекрутов в армию Дьявола. Иногда даже

наоборот террор, обрушенный на дьявольское искусство законами церковными и гражданскими, только обострял жуткое очарование им.

Появившись в религиозных мировоззрениях, образ дьявола постепенно проник и в светскую культуру. Дьявол становится одним из самых популярных персон в разных видах искусства. Особенно широко это отражается в художественной литературе. Зло в литературном произведении приобретает какие-то новые черты, утрачивает некоторые старые, интерпретируясь в зависимости от мировоззрения и задач автора. Писатели разных эпох по-своему пытались переосмыслить образ дьявола. Задаваясь вопросом о «природе» противника Бога и месте, занимаемом им в мироздании, каждый из них создавал нового, не похожего на предыдущих, «дьявола». Так, например, Дж. Мильтон в своем произведении «Потерянный рай» дает свое, особое, описание дьявола. Он награждает его величием, превосходством, убирает признаки животного (копыта и рога), делает его более грациозным и величавым [5]. Гуманизм эпохи Возрождения сломил церковное учение средневековья о бренности земной жизни. Мильтон увидел, что надежды гуманистов были далеки от осуществления. Он убедился, что за показной нравственностью пуритан нередко скрывалось множество пороков. Вследствие этого появляется неожиданная, казалось бы, черта Сатаны, которого поэт противопоставляет ханжам-пуританам – духи ада восхваляют Сатану и

...благодарят за то,
Что он собою жертвовать готов
Для блага общего. Не до конца
Заглохли добродетели у Духов
Отверженных, к стыду людей дурных,
Кичащихся прекрасными на вид
Поступками, внушенными гордыней,
И под личиной рвения к добру,-
Тщеславной суетностью.

Но Дж. Мильтон в «Потерянном рае» не отступает от общей христианской традиции. Для него дьявол все равно является воплощения зла, всех человеческих бед и пороков. Сатана Мильтона – образ не столь многозначный и противоречивый, как, например, Мефистофель Гёте. В нем нет мудрости и глубокомысленных рассуждений о мире и Бытии – он мыслит и действует в соответствии своим каноническим назначениям, не более. Все его размышления порывисты, но безысходны – он все равно должен будет выполнить все, что требуется, в этом смысле дьявол Мильтона крайне предсказуем.

Совершенно другим предстает пред нами Мефистофель И. В. Гете. Этот образ был заимствован И. В. Гете из старинной легенды. Но оставив имя, поэт совершенно изменил характер дьявола. У И. В. Гете Мефистофель совсем не похож на черта из народных поверий. В духовном отношении этот образ воплощает высокую культуру мысли, но мысли скептической и циничной, отрицающей все хорошее и доброе в

жизни. Тем не менее, его нельзя определить как «отрицательный» персонаж. Мефистофель – фигура сложная. Он с полным правом говорит о себе:

Часть вечной силы я,
Всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

Мефистофель уравновешен, страсти и сомнения не волнуют его грудь. Он глядит на мир без ненависти и любви, он презирает его. В его колких репликах много печальной правды. Но это не тот христианский тип абсолютного злодея. Он издевается над гуманным Фаустом, губящим Маргариту, но в насмешках звучит правда, горькая даже для него – духа тьмы и разрушения. Это тип героя, утомленного долгим созерцанием зла и разуверившегося в хороших началах мира. Он не похож на Сатану Мильтона. Тот страдает. В его груди – пламень. Он сожалеет о потерянном Эдеме и ненавидит Бога. Он жаждет мести и непреклонен, горд и свободолюбив. Мефистофель же не страдает, ибо не верит ни в добро, ни в зло, ни в счастье. Он видит несовершенство мира и знает, что это несовершенство – вечно, и никакими силами его не переделать. Ему смешон человек, который при всем своем ничтожестве пытается что-то исправить. Смех этот снисходительный. Мефистофель даже жалеет человека, полагая, что источник всех его страданий – та самая искра божья, которая влечет его, человека, к идеалу и совершенству, недостижимому, как это ясно ему, Мефистофелю. И. В. Гете создает своего дьявола умным. Ирония и издевательство над ложной ученостью, человеческим тщеславием скользит в его разговоре со студентом, принявшим его за Фауста:

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.
Он разоблачает лжеучение
Спешит явления обездушить
иронически поучает юнца:
Держитесь слов,
Бессодержательную речь
всегда легко в слова облечь,
Спасительная голословность
избавит вас от всех невзгод
В того невольно верят все,
кто больше всех самонадеян и т.д.

[3, с. 41].

Вследствие всего вышесказанного, мы видим, что дьявол – образ сложный и многогранный. Пройдя долгий путь развития от теологического понимания и народных верований до светской культуры, он постепенно перестал быть воплощением абсолютного зла и приобрел совершенно новые черты, такие как мудрость, сострадание, духовность и т.д.

А. Лаврова. Интерпретация образа дьявола от теологического осмысления к художественной практике

В данной статье анализируется образ дьявола: его возникновение и развитие в религии и светской литературе. Дьявол рассматривается, с одной стороны, как объект теологического осмысления, с другой – как один из важнейших образов в истории мировой литературы (на примере произведений Дж. Мильтона «Потерянный рай» и И. В. Гете «Фауст»).

A. Lavrova. Interpretation of the image the devil: from the theological understanding to artistic practice

This paper analyzes the image of the devil, his origin and development of religion and secular literature. The devil is considered, on the one hand, as an object of theological reflection on the other - as one of the most important images in the history of world literature (for example, artworks John Milton's Artwork «Lostness paradise» and Goethe's «Faust»)

Список використаної літератури

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское библейское общество, 2007. – 1344 с.
2. Блаженный А. Об истинной религии. Теологический трактат. – М. : Харвест, 2008. – 1280 с.
3. Гете И. В. Фауст. – М. : Эксмо, 2011. – 336 с.
4. Енох. Книга Еноха (полная версия апокрифа). – Электронный ресурс : Режим доступа: <http://old-ru.ru/03-50-1.html>
5. Мильтон Дж. Потерянный рай. – М. : Художественная литература, 1982. – 106 с.
6. Минуа Ж. Дьявол. – М. : АСТ, Астрель, 2004. – 62 с.
7. Паскаль Б. Мысли. – М. : АСТ, Астрель, 2011. – 336 с.
8. Уесли Д. Избранные проповеди. – К. : Киевский библейский колледж имени Джона Уесли, 2002. – 149 с.
9. Шейнман М. Вера в дьявола в истории религии. – М. : Наука, 1977. – 112 с.

